

Н. Т. Ашимбаева

ШВЕЙЦАРИЯ В РОМАНАХ «ИДИОТ» И «БЕСЫ». К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ ТОПОНИМА У ДОСТОЕВСКОГО*

Давно замечено, что имена людей, географические названия — любые наименования в творчестве Достоевского несут большой смысловой потенциал. Среди топонимов, упоминаемых в произведениях Достоевского, одним из самых «интригующих», загадочных, многозначительных является Швейцария.

Эта страна была знакома Достоевскому не понаслышке. В Швейцарии он бывал проездом в 1862, 1863, 1874 гг., а во время своего самого долгого пребывания за границей (1867–1871 гг.) жил здесь немногим более года, в основном в Женеве. За это время он побывал также в Базеле, Шильоне, Люцерне, лето 1868 г. провел в Веве¹. Если собрать все высказывания о Швейцарии, о Женеве и других швейцарских городах, в которых побывал Достоевский, то преобладать будут весьма едкие отзывы, направленные по преимуществу на буржуазный образ и стиль жизни. Так, в письме к С. А. Ивановой из Женевы 29 сентября / 11 октября 1867 г. Достоевский писал: «В нашем ремесле <...> первое дело действительность, ну а здесь действительность швейцарская. Женева на Женевском озере. Озеро удивительно, берега живописны, но сама Женева — верх скуки. Это древний протестантский город, а впрочем, пьяниц — бездна» (28₂; 224). Стоит отметить, что жалобы на скуку и прозаичность швейцарской жизни в сочетании с

* Доклад прочитан 6 октября 2001 г. на XI Симпозиуме Международного Общества Достоевского в Баден-Бадене (Германия).

¹ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. СПб., 1993–1994. Т. 1–2, а также: Странствия с Достоевским: [Каталог–буклет выставки в Литературно–мемориальном музее Ф. М. Достоевского]. СПб., 1999. Данная работа возникла в непосредственной связи с музейным проектом, посвященным теме европейских скитаний Достоевского, результатом которого явилась выставка «Странствия с Достоевским», а также готовящийся к изданию электронный диск под тем же названием. Автор В. Бирон, Литературно–мемориальный музей Ф. М. Достоевского в С.–Петербурге. Хроника заграничных поездок Достоевского 1862 и 1863 гг. исследована в статье М. И. Брусовани и Р. Г. Гальпериной в сб.: Статьи о Достоевском: 1971–2001. СПб., 2001. С. 135–151.

восхищением от природы Швейцарии— весьма характерная черта русских, посещавших эту страну проездом или оседавших в ней надолго².

Неудовольствие по поводу уклада жизни не только Швейцарии, но и других европейских стран было достаточно характерно для Достоевского: «Жить же за границей очень скучно, где бы то ни было» (28₂; 223). Основой антиевропейских взглядов Достоевского было его почвенничество. Жизнь, кипевшая вокруг него в Европе, мало привлекала внимание Достоевского. Его интересы были направлены исключительно в сторону России, а то, что он так или иначе отмечал в окружающей жизни, воспринималось через призму русских проблем, в той или иной связи с Россией. Из письма Майкову от 31 декабря 1867 г. из Женевы: «Всего более натерпелись мы из материальных неудобств в Женеве от холода. О, если б Вы знали, как глупо, тупо, ничтожно и дико это племя! Мало проехать, путешествуя. Нет, поживите-ка! <...> Буржуазная жизнь в этой подлой республике развита до пес-plus-ultra» (28₂; 243).

Однако Достоевский был не только противником современной буржуазной европейской цивилизации, адресовавшим ей немало убийственных сарказмов в «Зимних заметках о летних впечатлениях», но, подобно своему герою Версиллову или в каком-то отношении подобно Герцену, он любил Европу, испытал большое воздействие европейской литературы, живописи. Это противоречивое соединение любви и ненависти, насмешки и восхищения в отношении к Европе, ее жизни, цивилизации, культуре — очень русская черта, она в высшей степени была присуща Достоевскому и в полной мере проявила себя в том образе Швейцарии, который создал Достоевский в своих произведениях, в особенности в романах «Идиот» и «Бесы».

В Швейцарии Достоевский работал над романом «Идиот». Наиболее ранняя дата, относящаяся к работе над романом, зафиксирована в черновых материалах: «14 сентября 67. Женева» (9; 140). Швейцарские реалии, вошедшие в «Идиот», — это лишь в небольшой степени реалии быта. Конкретные штрихи жизни четы Достоевских в Женеве зимой 1867–1868 г. проскальзывают, например, в словах Лизаветы Прокофьевны в финале «Идиота», когда она «желчно и пристрастно критиковала <...> все заграничное: „Хлеба нигде испечь хорошо не умеют, зиму, как мыши в подвале, мерзнут...“» (8; 510). (На холод в домах Достоевский жаловался в письмах из Женевы зимой 1868 г.)³. Но в творческий мир Достоевского Швейцария вошла не бытом, не повседневностью, а как некий культурно-исторический образ, в значительной степени внушенный литературой. Это была страна *Руссо, просветительского гуманизма* с его верой в человека («l'Homme de la nature et de la vérité»). Карамзин, будучи в Швейцарии, совершил паломничество по местам Эмилии и Сен-Пре, героев «Новой Элоизы» Руссо, посетил остров Сен-Пьер, где в уединенном изгнании

² См.: Шижкин М. Русская Швейцария: Литературно-исторический путеводитель. Zürich: Рапо. 2000. С. 14–15 и др. В этой книге собраны богатейшие материалы о пребывании русских в Швейцарии в XVIII–XX вв.

³ Ср.: в письме А. П. и В. М. Ивановым от 1 / 13 января 1868 г.

жил «Женевский гражданин и философ». Достоевский великолепно знал «Письма русского путешественника» Карамзина и «Письма из-за границы» Фонвизина, которые он неоднократно цитирует в разных своих произведениях. Прежде чем Достоевский попал в Швейцарию, он уже знал ее по Карамзину. Кстати, в Женеве Достоевский жил в доме (на пересечении улиц Бертелье и Вильгельма Телля), из окон которого «были видны мост через Рону и островок Жан-Жака Руссо»⁴. Некоторые швейцарские эпизоды романов Достоевского определенно цитатны по отношению к «Письмам русского путешественника», особенно в романе «Идиот», в котором „швейцарский миф“ связан с просветительской культурой XVIII в.

Таким «цитатным» эпизодом можно считать размышления о картине Гольбейна «Мертвый Христос». Эта тема в «Идиоте» ведет свое происхождение от Карамзина, что было отмечено исследователями. Картина «Мертвый Христос» Гольбейна, произведшая столь сильное впечатление на Достоевского и ставшая одним из центральных образов в этом романе, была «замечена» Карамзиным в базельской картинной галерее: «В Христе, снятом со креста, — пишет Карамзин, — не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно»⁵. В «Идиоте» Достоевский как бы продолжил, развил спокойное наблюдение, сделанное Карамзиным, предельно его заострив и придав ему глубочайший религиозно-философский, экзистенциальный смысл.

Возможно, что есть в «Идиоте» перекличка с Карамзиным в описании Мышкиным природы горной Швейцарии. В разговоре в гостиной Епанчиных князь Мышкин рисует словесный пейзаж, напоминающий не только по внешним признакам виды горной Швейцарии в «Письмах русского путешественника» (гл. «Пастушьи хижины на Альпийских горах»), но и по особенному тонкому духовному настроению сопричастности какой-то высшей жизни: «У нас там водопад был, небольшой, высоко с горы падал и такую тонкою ниткой, почти перпендикулярно, — белый, шумливый, пенистый <...> Я по ночам любил слушать его шум; вот в эти минуты доходил иногда до большого беспокойства. Тоже иногда в полдень, когда зайдешь куда-нибудь в горы, станешь один посредине горы, кругом сосны, старые, большие, смолистые; вверху на скале старый средневековый, развалины; наша деревенька далеко внизу, чуть видна; солнце яркое, небо голубое, тишина страшная» (8; 50–51).

На фоне этой благодатной природы Мышкину пригрезился таинственный град, «как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь». Мне уже приходилось высказывать мысль о том, что это видение — смутная догадка Мышкина о его «другой природе», а мистический град — это видение Нового Иерусалима, который и сам Мышкин не может «назвать».

⁴ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1981. С. 175.

⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. С. 98. О «преемственности» восприятия Достоевским Гольбейна (от Карамзина) см. в примечаниях Н. Н. Соломиной: 9; 399.

Швейцария в «Идиоте» — это некое сакральное место, отмеченное присутствием Бога, или, точнее, — место, где, по какой-то неясной причине князь Мышкин догадывается о своей иной природе. Эти прозрения не получили в его сознании вербального оформления, но в то же время весьма точно, на интуитивном уровне, открыли ему его предназначение. Особые знаки или какие-то предуказания Мышкин получает всюду: в общении с природой Швейцарии, в картинной галерее в Базеле; наконец, на то же намекают уличные впечатления, городской рынок, на котором он слышит крик осла — о многозначительности этого эпизода написано уже немало. Именно в швейцарских эпизодах жизни князя Мышкина очень велика плотность евангельских намеков, реминисценций. Именно там он постиг свое предназначение и с этим направился в Россию.

Кстати, в Швейцарии принял обет служения Богоматери пушкинский «рыцарь бедный», с которым столь явно сравнивала Аглая князя Мышкина:

Путешествуя в Женеву,
На дороге у креста
Видел он Марию деву,
Матерь Господа Христа.
С той поры, сгорев душою,
Он на женщин не смотрел...

Правда, в стихах, которые читает Аглая, строфы о Женеве нет, но в анненковском собрании сочинений Пушкина Аглая и не могла прочесть строк о «женевском видении» рыцаря бедного. Однако Достоевский эти строки знал⁶. Аглая цитирует стихи о «рыцаре бедном» по «Сценам из рыцарских времен». На вопрос же о том, почему именно в Швейцарии, во время путешествия в Женеву «рыцарь бедный» Пушкина имел свое «виденье, непостижное уму», ответ найти не так-то просто⁷. Можно только предположить, что Швейцария располагает к визионерству, и это было угадано Пушкиным и Достоевским.

В образе князя Мышкина присутствуют и другие «швейцарские составляющие».

Именно в Швейцарии была развита система лечебных учреждений для больных, страдавших душевными расстройствами. В этом плане князь Мышкин не случайно оказался пациентом швейцарской клиники доктора Шнейдера, «который занимается именно этими болезнями, имеет заведение в Швейцарии, в кантоне Валлийском, лечит по своей методе холодной водой, гимнастикой, лечит и от идиотизма, и от сумасшествия, при этом обучает и берется вообще за духовное развитие» (8; 25)⁸. Хотя

⁶ См. комментарии к «Идиоту» Н. Н. Соломиной: 9; 403.

⁷ Редакция журнала «Звезда» в № 6 за 2001 год задала этот вопрос читателям, пообещав тому, кто сможет дать убедительный ответ, бесплатную годовую подписку журнала, даже если этот человек живет в Женеве. Ответ см.: Звезда. 2002. № 6.

⁸ См.: *Местергази Е.* Вера и князь Мышкин // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М.: Наследие, 2001. С. 300. В этой работе остроумно

об этих методах князь Мышкин говорит серьезно, но заметна ирония автора.

Безусловно, швейцарским является и «педагогический пласт» в «Идиоте». В гостиной Епанчиных в ответ на насмешливые слова Аглаи о том, что он приехал «поучать», князь говорит: «... я действительно, пожалуй, философ, и кто знает, может, и в самом деле мысль имею поучать» (8; 51). Эти слова трактуются обычно как еще одно указание на тайную, сокрытую от окружающих его связь с Христом. Этот намек, безусловно, есть. Однако есть здесь и другой смысл: Мышкин как учитель и наивный утопист, верящий в то, что люди могут стать лучше, если только дать им возможность самим в это поверить, — в этом он педагог в швейцарском смысле.

Он верит, что в каждом человеке есть иная, лучшая сущность, и этот истинный образ только искажен случайными наслоениями. «Разве вы такая..?» — говорит он Настасье Филипповне, а в сущности это же он говорит и детям в швейцарской деревне, и Гане Иволгину, и Бурдовскому, и Рогожину — всем, с кем приходится ему общаться. Обычно эту особенность князя объясняют его христианским отношением к миру и к людям. Однако вместе с тем здесь явственно просматривается и другой источник. Своим обликом и поведением князь во многом напоминает классический образ педагога-швейцарца, укоренившийся в русском культурном сознании, с его идеализмом, просветительской верой в человека («l'homme de la nature et de la verité»)⁹. «О, князь, до какой степени вы еще, так сказать, по-швейцарски понимаете человека», — восклицает Келлер (8; 257).

Князь Мышкин похож в чем-то очень важном и на самого отца швейцарской педагогики Иоганна-Генриха Песталоцци, идеалиста, бессребренника, отдавшего свое состояние на дело воспитания детей. В глазах окружающих он нередко являлся чудачком, человеком «не от мира сего»¹⁰.

Таким образом, среди всех составляющих образа князя Мышкина есть и заметный «швейцарский» компонент. «Князю Христу» придан некоторый оттенок раннесоциалистического утопизма. Христианская жертвенность и гуманистическая, просветительская вера в добро, правду, в разумное устройство человека почти неотделимы друг от друга в князе Мышкине. В сущности, именно его наивная вера в лучшие природные качества людей и подвергается трагическому испытанию и в конце концов оказывается несостоятельной. В «Записках из подполья» Достоевский подверг сарказмам «l'homme de la nature et de la verité». В «Идиоте» он показал трагедийную сторону этой веры.

«Идиот» и «Бесы» представляют собой как бы диптих, в одной части которого преобладает свет, борющийся с тьмой, а в другой — тьма, сквозь

увязана семантика имени доктора Шнейдера (Schneider — портной) с его методикой, подразумевающей возможность «сacroить» человека, воссоздать его разумными, почти ремесленными способами.

⁹ См.: Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария: Литературные связи XVIII — XIX веков. Л.: Наука, 1984. С. 30–36.

¹⁰ См.: Песталоцци // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз, Ефрон. СПб., 1898. Т. XXIII. С. 427–428.

которую едва пробивается свет (близнецы–антиподы¹¹). Так же, как и в «Идиоте», швейцарский фон весьма заметно выделен и даже акцентирован в «Бесах». Однако так же, как различны и даже противоположны в этих двух романах значения слова «князь», так же различна в них и семантика топонима *Швейцария*. Сегодня это уже предмет для полемики. Т. Касаткина справедливо отрицает концепцию «двух Швейцарий» у Достоевского, усматривая «общую точку» между Швейцарией в романах «Идиот» и «Бесы». Эта «общая точка», согласно выводам исследовательницы, находится в «метафизическом плане» и в конечном итоге родственна свидригайловской бане с пауками как символу безбожного мира¹². Однако такое подведение к «общему знаменателю» сложной, насыщенной многими составляющими семантики «швейцарского мифа» представляется сугубо идеологичным и малопродуктивным для исследования художественного смысла и структуры топонима. Швейцария в двух романах одна, но этот образ как бы двоится, если рассматривать его статично. На самом деле два образа Швейцарии соответствуют двум стадиям, двум эпохам в истории развития «женевских» идей: от швейцарского утопического идеализма к радикализму крайних левых движений, нашедших пристанище в Швейцарии, от «Идиота» к «Бесам».

Швейцария как культурно–исторический феномен в «Идиоте» несомненно изображена в более мягких тонах, чем в «Бесах», несмотря на видимый печальный итог: крушение гуманистического, «швейцарского» идеализма в финале романа.

Швейцария в «Бесах» — это некое особое место, где в предыстории романного действия произошли наиболее важные события и встречи, где завязались судьбы едва ли не всех главных героев романа. Швейцария — это прошлое героев, которое роковым образом влияет на их настоящее. В непосредственном романном действии, совершающемся «на глазах» читателя, происходят развязки узлов, завязавшихся в прошлом, в Швейцарии¹³.

В «Бесах» заострена связь политического бесовства и интриганства со Швейцарией. В Швейцарии скрывался Петр Верховенский после того, как открылось дело о каких–то прокламациях, оттуда он, «пробыв за границей года четыре, вдруг появляется опять в своем отечестве...» (10; 63) и оказывается в гуще событий. Швейцария в «Бесах» изображена как эпицентр политической интриги русских заговорщиков–революционеров, чему

¹¹ См.: Ашимбаева Н. Т. Лексема «князь» в контексте произведений Достоевского // Достоевский и мировая культура. М., 1997. № 9. С. 57–67.

¹² Касаткина Т. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. С. 79.

¹³ Г. С. Морсон предлагает трактовку Швейцарии в «Бесах» как особого, запасного места, «шляпы», из которой при необходимости можно извлечь объяснение событий, никак не мотивированных, неожиданно пришедших в голову автору, который стремится скрыть «недостатки построения» романа. — См.: Морсон Г. С. «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпика // Там же. С. 14. С такой точкой зрения трудно согласиться.

имеется свое конкретное историческое объяснение. Либеральные демократические законы этой страны позволили ей сделаться одним из центров европейской политической эмиграции, несмотря на то что в самой Швейцарии социализм не получил большого распространения. В период работы над романом «Бесы» Достоевский, живя за границей, мог особенно наглядно наблюдать оживление радикальных движений: было создано Международное общество рабочих (International), один из конгрессов которого проходил в 1869 г. в Базеле. Тот факт, что Швейцария стала прибежищем для интернациональных политиков радикального толка, Достоевский расценил как убедительное доказательство, что «жениевские идеи» не только не умерли, но получили новую жизнь¹⁴. В «Бесах» «Интернационалка» — это что-то вроде зловещего всемирного заговора, в который невольно вовлекаются совершенно неподходящие люди: «У нас вот говорят теперь, когда уже всё прошло, что Петром Степановичем управляла Интернационалка, а Петр Степанович Юлией Михайловной, а та уже регулировала по его команде всякую сволочь» (10; 354).

Версиров разъясняет Аркадию, что «жениевские идеи — это добродетель без Христа, <...> лучше сказать, идея всей теперешней цивилизации» (13; 173). Но далее Версиров говорит: «...Это одна из тех длинных историй, которые очень скучно начинать, и гораздо будет лучше, если мы с тобой поговорим о другом...»

Создавая „Бесы“, Достоевский не раз подчеркивал, что пишет политический, тенденциозный роман, и то, что Швейцария явилась в нем как гнездилище, рассадник «жениевских идей» в их современной редакции, — достаточно хорошо оправдано и понятно. Но... «поговори... о другом».

Все «бесы» «хлынули» (так пишет Т. Касаткина¹⁵) в Россию из Швейцарии. Но стоит учесть, что в Швейцарию — то они попали все же из России, как и из других средоточий радикальных движений. Бесноватым больным в «Бесах» изображена Россия (вспомним эпиграф к роману), а не Швейцария.

Из Швейцарии прибыл не только политический интриган Верховенский, но и едва ли не все другие герои приехали оттуда или когда-то там побывали. И уж точно ни Лиза Дроздова, ни Варвара Петровна Ставрогина или Даша Шатова не занимались там интригами политического свойства. Однако все такого рода персонажи, как заговоренные, на все лады упоминают Швейцарию, и возникает вопрос: какой в этом смысл? Почему Швейцария, а не Париж, Ницца или Баден-Баден? Ведь это тоже знаменитые центры европейской культуры или модные курорты, одно упоминание о посещении которых как-то льстит тщеславию. Тщеславию, гордостью как особенными проявлениями бесовской одержимости в той или иной степени поражены едва ли не все герои романа, а не только те, кто непосредственно вовлечен в политические интриги. Именно гордость и

¹⁴ Выразительная в своей пестроте картина деятельности разных партий русской политической эмиграции в Швейцарии дана в указанной кн.: *Шишкин М.* Русская Швейцария (см. примеч. 2).

¹⁵ *Касаткина Т.* Указ. соч. С. 76.

тщеславие и являются причиной какой-то отрицательной связи, которая роковым образом соединяет и одновременно разделяет героев романа. Замыслив «Бесы» как произведение прежде всего тенденциозное, Достоевский не остался в пределах этой злободневной задачи. Беснование, одержимость приобретают характер какой-то тотальной «повязанности» в грехе, и политический план становится лишь одной из составляющих этой всеобщей одержимости. Расширилась область обобщения для всего романа, и вместе с этим расширилась и сфера семантики топонима. Происходит мифологизация и демонизация Швейцарии. Теперь это уже не только прибежище сомнительных политиков, плетущих свою интригу, засылающих своих эмиссаров и т. д. Теперь это особая страна, где как бы некая Парка вершит судьбы и держит нити этих судеб. Происходит символизация топонима. Вяч. Иванов определил роман «Бесы» как «символическую трагедию»¹⁶, в которой происходит процесс глубокой символизации, захватывающий все пласты романного мира, первоосновой частицей которого является слово, именование.

Вряд ли стоит приписывать эти демонические свойства реальной Швейцарии, прекрасной альпийской стране с ее историей, культурой и традициями. Ошибочно, скорее всего, думать, что на Швейцарию был направлен гневный пафос автора «Бесов», несмотря на весьма едкие его суждения о буржуазном укладе жизни современной ему Швейцарии.

Но, как мы знаем, этот роман завершается еще одним зловещим «швейцарским» образом: Ставрогин хочет свое последнее пристанище найти в *кантоне Ури*, куда он зовет с собой Дашу («...я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури...» — 10; 513). Этому замыслу не суждено осуществиться. Несостоявшийся «гражданин кантона Ури» покончил жизнь самоубийством.

И снова вопрос: почему именно кантон Ури избрал Ставрогин для своего бегства — своей эмиграции? На этом последнем швейцарском примере ярко проявляются особенности символизации слова в творчестве Достоевского вообще, а в «Бесах» в особенности. У читателей «Бесов» навсегда остается жуткое впечатление от финала романа и вместе с этим уже одно упоминание кантона Ури вызывает мрачные ассоциации.

Между тем Ури, один из старинных лесных кантонов Швейцарии, расположен у южной части озера Четырех кантонов. Ури — свободлюбивый кантон, его уроженцем был едва ли не самый знаменитый гражданин Швейцарии Вильгельм Телль: памятник В. Теллю стоит в главном городе кантона Ури — Альтдорфе. Достоевский великолепно знал Шиллера и, конечно, знал швейцарского героя Вильгельма Телля, упоминания о нем встречаются в его произведениях и письмах. Напомним еще раз один из женевских адресов Достоевского: дом на углу ул. Бертелье и Вильгельма Телля. Кстати, Герцен натурализовался в кантоне Фрибур,

¹⁶ Иванов Вяч. Экскурс: основной миф в романе «Бесы» // Властитель дум: Достоевский в русской критике конца XIX — начала XX века. СПб., 1997. С. 432.

что, безусловно, было известно автору «Бесов». Что же послужило толчком к созданию такого зловещего ореола вокруг Ури?

Природа этой альпийской области величественная, суровая; до того как во второй половине XIX в. в тех краях прошла Сен–Готардская железная дорога, это была пастушеская и малонаселенная страна. Возвращаемся к «Письмам русского путешественника», где, обращаясь к своим друзьям, автор восклицает: «Ах! Если вас не будет на свете, то связь моя с отечеством прервется — я пойду искать какой–нибудь пустыни во глубине Альпийских гор и там, среди печальных и ужасных предметов природы, в вечном унынии проведу жизнь мою»¹⁷. Этот отчаянный возглас и картина альпийской пустыни сильно напоминают образ того уединенного прибежища, в котором решил навсегда скрыться Ставрогин. Скорее всего, этот образ запомнился Достоевскому еще с момента начала работы над «Идиотом». Ведь на самых первых страницах этого романа возникает пейзаж кантона Ури, который замечает князь Мышкин в кабинете Епанчина: «Вот этот пейзаж я знаю; это вид швейцарский. Я уверен, что живописец с натуры писал, и я уверен, что это место я видел: это в кантоне Ури...» (8; 25).

Появление этого пейзажа — сначала как–то бегло, без описания и оценки в начале одного романа («Идиот»), а затем в грозной, зловещей тональности в конце другого («Бесы») — замыкает в кольцевую композицию швейцарскую тему и еще раз подтверждает единство этих двух романов, сцепленных в своей противоположности на «клеточном» уровне.

Однако любопытно сравнить: князь Мышкин направляется из Швейцарии в Россию, где проходит хотя и краткий период его жизни, но наиболее насыщенный общением с людьми, отмеченный интенсивностью сердечных переживаний, внутренним беспокойством («...я к людям иду» — 8; 64).

В «Бесах» стремление Ставрогина в Швейцарию из России знаменует его духовный крах. То есть сознательные стремления этих двух героев имеют прямо противоположную направленность. И не в том дело, что кантон Ури является каким–то роковым и гиблым местом, а в том, что пустынное и безлюдное место, где собирается поселиться Ставрогин, оторвано, отрезано от всего, что связывает с родиной. Это эмиграция, чужбина. И это одно из последних и, может быть, наиболее важных для Достоевского значений, которое он связывал с Швейцарией.

¹⁷ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. С. 187.